

© Р.И. ЛИЧЕВ

rosen-bg@rambler.ru

УДК 94:351.746.1(571.12).083

СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

АННОТАЦИЯ. В статье, на примере Тобольской губернии, рассматриваются проблемы взаимоотношений и сотрудничества политической и общей полиции Российской империи в начале XX века.

SUMMARY. The following article is dedicated to the problems of mutual relations and cooperation of political and general police of the Russian empire in the early XXth century (on the basis of Tobolsk province).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Политическая полиция, жандармы, общая полиция.

KEY WORDS. Political police, gendarmes, general police.

Структурная специфика полицейского аппарата дореволюционной России отражала стремление властей к повышению эффективности его работы путем четкого разграничения полномочий и обязанностей. В соответствии с классификацией правонарушений, определявшей и разделявшей политические и криминальные преступления, в государстве параллельно действовали две разновидности полиции — политическая и общая (криминальная). Понимая неизбежность пересечения этих сфер деятельности, правительство озаботилось выработкой оптимального механизма взаимодействия между ними. Последней крупной попыткой достижения системной упорядоченности и скоординированности полицейских подразделений стала реструктуризация Министерства внутренних дел (МВД), проведенная в 1880 году. Подразумевалось, что политическая и общая полиция, вошедшие в созданный Департамент, при максимальном сосредоточении на своих обязанностях, в то же время будут оказывать друг другу содействие в повседневной деятельности [1; 17-18, 25-26]. Но, как показало время и последующие события, осуществление на практике этих теоретических положений оказалось трудноразрешимой задачей.

Одной из причин неуспеха данного предприятия, и, как следствие общей институциональной слабости полицейского ведомства, являлось частичное дублирование прав и обязанностей жандармов и сотрудников общей полиции, что зачастую приводило к недоразумениям и конфликтам. В этом вопросе необходимо учитывать объективные условия, определявшие вектор развития дореволюционного нормо- и законотворчества. Во-первых, сам предмет полицейской деятельности, не будучи четко сегментированным, разрушал дефинитивные

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, контракт № П 661 от 10.08.2009.

границы в рамках существовавших теорий. Зачастую те или иные правонарушения не представлялось возможным отнести к какой-либо одной определенной юрисдикции. Например, участники революционного движения нередко совершали классические криминальные преступления (грабежи, разбои, покушения и пр.), т.е., будучи объектом полномочий политической полиции, они, по составу преступления, попадали в поле зрения общей полиции. Во-вторых, кадровые проблемы, с которыми Департамент полиции сталкивался на протяжении всего времени своей деятельности. По результатам инспекторских смотров оказывалось, что некоторые рядовые жандармы, особенно провинциальные, смутно представляли, что есть политическое преступление, и в чем, собственно, состоят их главные обязанности. Руководство местных жандармских управлений не всегда уделяло должное внимание контролю и расширению теоретической подготовки подведомственных им чинов [2]. То же можно сказать и об уровне компетентности сотрудников общей полиции. Власти столкнулись с проблемой — имея на вооружении идеальную теорию, они не имели для ее осуществления на практике идеальных исполнителей.

Таким образом, дублирование части прав и обязанностей, на наш взгляд, не являлось лишь результатом нормативных огрехов и несовершенства законодательной базы. Данные упущения можно считать скорее вынужденными допущениями, призванными выполнять своего рода страховочную функцию — там, где в силу целого ряда причин не справлялась общая полиция (недостаточная компетентность, малочисленность и т.д.), в работу включались жандармы, и наоборот.

Освещая проблемы повседневных взаимоотношений двух полицейских подразделений на примере Тобольской губернии, необходимо отметить, что в означенный период данный регион представлял собой довольно специфическую административно-территориальную единицу. При своих географических и климатических особенностях, она служила своеобразным транзитным буфером и местом отбывтия наказания для большого числа ссыльных.

Согласно «Положению о корпусе жандармов» от 16 сентября 1867 г., для осуществления политического розыска и производства дознаний по государственным преступлениям, в губерниях создавались губернские жандармские управления (ГЖУ) [3]. Во главе Тобольского губернского жандармского управления (ТГЖУ) стоял начальник (воинский чин не ниже полковника), отвечавший перед Департаментом полиции за постановку политического сыска в губернии. Начальнику подчинялись помощники (в чине ротмистра или подполковника), действовавшие в уездах. В их обязанности входила организация работы рядовых унтер-офицеров, филеров и секретных агентов. Низшая инстанция — унтер-офицеры, опираясь на широкий спектр полномочий, выполняли всю текущую розыскную работу в населенных пунктах. Ими проводились обыски, аресты, осуществлялась доставка подозреваемых на допросы, конвоирование, сбор сведений о различных лицах [4]. При этом жандармы действовали независимо от губернских властей и обладали определенным иммунитетом даже перед лицом всесильного прокурорского надзора [5; 116-117].

Иерархия общей полиции отличалась большей сложностью и разветвленностью. Она включала полицмейстера, уездных исправников и их помощников, частных приставов, городских, околоточных надзирателей и стражников. Весь по-

лицейский штат губернии находился в непосредственном подчинении у губернатора.

Межведомственное сотрудничество охватывало широкий круг задач и проблем. Сотрудники политического сыска обращались в общую полицию за информацией о библиотеках, типографиях, фабриках, заводах, их владельцах и управляющих, рабочих и служащих крупных торговых предприятий. В свою очередь жандармы предоставляли коллегам сведения о новоприбывших в город лицах и их «послужные списки». По просьбам жандармов, полицейские чины проводили обыски, совместно осуществлялись аресты и допросы [6].

«Ссылочный» статус Тобольской губернии уже сам по себе подразумевал более тесное сотрудничество силовых органов, особенно в свете характерной для региона проблемы нехватки блюстителей закона и порядка. В 1908 г. начальник ТГЖУ полковник А.К. Вельк обращал внимание вышестоящих инстанций на недостаточность штата общей полиции в губернии: «Малочисленность полиции давала им (ссылным, прим. Р.Л.) возможность держать в непрерывном страхе мирных обывателей, начались вымогательства с угрозами смерти и полное неповиновение предъявляемым полицией законным требованиям*... Малочисленность штата полиции является вопиющим злом в виду засилья политических и вытекающего отсюда представления в обществе о полнейшей слабости полиции, призванной защищать его интересы» [7].

В связи с данными обстоятельствами, политическая полиция Тобольской губернии принимала участие практически во всех операциях по задержанию «неполитических» преступников и в последующем расследовании совершенных ими преступлений. При этом честь раскрытия немалой части из них принадлежит именно жандармам, имевшим мощную и всепроникающую агентурную сеть. Подобное положение вещей, однако, не стоит рассматривать как характерную особенность лишь Тобольской губернии, оно имело самое широкое распространение и в других регионах [8].

Ярким примером эффективности жандармско-полицейского сотрудничества стало расследование ограбления в 1908 г. железнодорожного артельщика в Тюмени, доставлявшего от вокзала в местное отделение Государственного банка 3629 руб. В тот день вся общая полиция находилась в нарядах в окружных судах, и поэтому город остался без полицейского надзора. Этим и воспользовались преступники, без особого труда ограбившие перевозчика денег, обезвредив предварительно его охранника. В розыске грабителей самое непосредственное участие приняли местные жандармы. Для проведения операции по задержанию банды заместитель полицейского исправника (исправник в это время находился вне города по служебным делам) отправился к командованию местного воинского гарнизона с просьбой о предоставлении ему роты солдат, но получил отрицательный ответ. Тогда с той же целью в гарнизон отправился тюменский жандармский ротмистр, сумевший убедить воинское начальство и получить роту военнослужащих. Совместными усилиями удалось организовать оцепление нужной местности, но в ходе завязавшейся перестрелки некоторым преступникам удалось вырваться из окружения и скрыться. Теперь, когда силовые способы задержания оказались уже не востребованы, дальнейший розыск оставшихся на свободе

* В данном случае речь идет о г. Сургуте

бандитов осуществлялся с помощью секретных агентов политической полиции, которым и принадлежит заслуга в окончательном раскрытии дела [9].

В 1909 г. в районе Тобольского уезда действовала разбойная группа, совершившая ряд тяжелых преступлений: убийство местного крестьянина и двух девочек, трех рыбопромышленников в селе Фоминском, трех тобольских мещан и солдата. Для содействия чинам местной полиции начальник жандармов командировал своего помощника и пять унтер-офицеров. Предводителя банды арестовал жандармский ротмистр, в ходе задержания переодевшийся крестьянином [10].

1 мая 1910 г. в селе Уватском результатом совместной операции политической и общей полиции стал арест и заключение под стражу 34 административно-ссыльных. В том же году на поиски арестантов, бежавших с этапа в селе Кутарбитка, убивших при этом старшего конвойного и ранив двух рядовых, были отправлены тобольский уездный исправник с нарядом полиции и тобольский жандармский ротмистр с пятью унтер-офицерами [11].

Иногда жандармы полностью переключались на полицейскую работу. В Таре служащий политической полиции задержал преступника, совершившего убийство с ограблением. В Туринске жандармский унтер-офицер с помощью старшего стражника и городского, успешно раскрыл дело о покушении на уездного исправника, арестовав и доставив подозреваемого в полицейское управление. В Ишиме жандармам пришлось расследовать злоупотребления служащих Лесного ведомства по отношению к местным крестьянам и заниматься поиском украденных лошадей [12].

Эти факты являются примерами продуктивной совместной деятельности двух полицейских подразделений. Учитывая, что работа эта велась в условиях структурной автономности, жандармско-полицейские отношения зачастую оказывались в зависимости от психологических особенностей и мировоззренческих принципов руководителей соответствующих структур. Периоды плодотворного сотрудничества сменялись годами отчужденности и соперничества. Так, в 1908 г. начальник ТГЖУ А.К. Вельк докладывал в Департамент о продолжавшейся в течение нескольких лет «странной обособленности общей полиции в деле обнаружения политических преступников». Такое положение вещей полковник связывал с личностью губернатора Н.Л. Гондатти, искавшего, по мнению жандарма, «популярности среди политических ссыльных». «Но, — пишет далее начальник ТГЖУ, — с переводом бывшего губернатора Гондатти, взаимные отношения между чинами общей полиции и жандармами значительно улучшились, а в настоящее время, с прибытием нового губернатора Фон Гагмана, человека, совершенно определенного направления и твердой воли, я почти уверен в установлении нормальных отношений, результатом каковых должна явиться дружная, совместная и объединенная работа» [13].

Активные шаги к установлению межведомственного сотрудничества предпринимались и на уровне уездного руководства. Вскоре, после забастовок 1907 г., по инициативе тюменского ротмистра делалась попытка поднятия взаимоотношений между представителями жандармерии и полиции на качественно новый уровень: ротмистр и тюменский исправник договорились об открытии доступа жандармам ко всей необходимой им информации [14]. Но такие плодотворные решения не относились к постоянной практике — с приходом новых исполни-

телей, доверительные отношения приходилось строить заново, однако достичь этого удавалось не всегда.

Нередко помощники начальника ТГЖУ обращались к городским приставам с просьбой о присылке домовых книг, паспортов и т.п. Такие запросы, в силу специфики деятельности политической полиции, должны были сохраняться в строгой секретности. Но в повседневной деятельности вырисовывалась несогласованность действий между двумя учреждениями, что достаточно хорошо иллюстрирует письмо тюменского ротмистра Д.Ф. Чуфаровского на имя уездного полицейского исправника: «При поступающих от меня секретных требований в участки о собрании сведений или доставлении домовых книг, нижние чины полиции исполняя это, ставят в известность, что это требуется мною, что крайне вредно отзываясь на деле. На будущее время все подробные требования будут адресовываться к приставам личными пакетами... О вышеизложенном сообщая для зависящих распоряжений уведомляю, что при повторении подобных случаев мною будет записано начальнику управления с просьбой довести до сведения господина Тобольского губернатора». Повторения «подобных случаев» ждать пришлось недолго. Вскоре, в соответствии с запросом жандармов, отправленным в отдельном пакете с пометкой «совершенно секретно», приставом 3-й части г. Тюмени был произведен ряд обысков. Несмотря на строгую секретность предприятия, рабочим завода Машарова стало известно, что обыски проводились по поручению помощника начальника ТГЖУ. Естественно, что образовавшаяся в итоге «прозрачность» нанесла непоправимый урон деятельности жандармов, и ротмистр возложил на всю вину за провал дела на уездную полицию. После этого случая стало очевидным, что небрежное отношение полицейских чинов по отношению к работе политической полиции приняло хронический характер, поэтому ее представители обратились за разрешением данного вопроса напрямую к тобольскому губернатору, не рассчитывая более на уездные полицейские власти [15].

Некоторые неувязки устранялись непосредственно по мере их выявления. Случалось, что иногда филеры* для установления личности забирались сотрудниками полиции в участок, теряя при этом наблюдаемых лиц. Во избежание подобных случаев, и, не желая, чтобы городовые, околадочные и патрульные знали филеров в лицо, в 1911 г. жандармы обратились к полиции с просьбой о выдаче последним удостоверений под вымышленной фамилией, что те состоят на службе у исправника. Такие «фальшивые» документы и предъявлялись нижним чинам полиции [16].

Наглядным примером пересечения полномочий и сфер деятельности служит серия обысков, произведенная тюменским исправником в 1908 г. в связи с агитаторской деятельностью в уезде. Ротмистр, не поставленный в известность об этом, отреагировал немедленно и обратился к главе тюменской полиции за разъяснениями. Исправник объяснил свои действия тем, что основания для обыска не содержали в себе признаков государственного преступления и поэтому он не посчитал себя обязанным поставлять ротмистра в известность [17].

* Сотрудники политической полиции, ведущие слежку за подозреваемыми лицами. Персональные сведения о филерах держались в строжайшей секретности, в том числе и от общей полиции.

Данная аргументация звучит как минимум странно, т.к. причиной обысков указывалась именно имевшая место агитация, напрямую относившаяся к компетенциям жандармов.

К функциональной неразберихе можно отнести и случай, произошедший в 1914 г. в Тюмени, где состоялась серия публичных лекций некоего Петрова. Серия оборвалась на третьей части «Идейная пустота в современной литературе», когда исправник запретил ее вещание по идейным соображениям, какими, правда, остается загадкой, но просьба многих почетных лиц из публики, городского головы, представителей прокуратуры и даже жандармского ротмистра, чьей прерогативой как раз и являлась область идей и настроений, своей цели не достигли и разрешения лекции так и не последовало. Поскольку инцидент имел прямое отношение к широкой общественности, его обстоятельное изложение появилось на страницах местной печати [18].

Еще одним камнем преткновения считалась цензура печати, т.к. наблюдение за периодическими изданиями, в основном, находилось в ведении общей полиции. Но, по свидетельству тобольского губернатора А.А. Станкевича, полицейские чины, в большинстве случаев, по своему образовательному цензу и малой осведомленности не могли точно определить характер и направление статей, печатаемых в газетах и других повременных изданиях во вверенных их наблюдению районах. Поэтому губернатор просил жандармов взять на себя часть этой работы, указав при этом, что контроль за некоторыми повременными изданиями входил и в круг обязанностей политической полиции [19].

Трения и противоречия сменялись стремлением к взаимовыручке. В 1914 г. ротмистр обратился к тюменскому воинскому начальнику с просьбой освободить от призыва подведомственных ему филеров, призванных по случаю мобилизации. В это же время, по-видимому, не до конца надеясь на благоприятный исход дела в данной инстанции, ротмистр обращается за помощью и к тюменскому уездному исправнику. Суть просьбы заключалась в том, чтобы зачислить филеров сверхштатными городскими и тем самым оградить их от призыва. 26 июля исправник исполнил просьбу ротмистра и зачислил филеров в городскую полицию сверх штата. Но уже через несколько дней Тобольский губернатор признал действия тюменского исправника незаконными, с последующим увольнением филеров из рядов городской полиции [20].

Принимая во внимание вышеуказанные факты в качестве обыденно-типических можно говорить о том, что полицейский механизм на уровне Тобольской губернии не отличался отлаженностью. Причиной тому становилось не только отсутствие четкой регламентации, но и невысокий в большинстве случаев уровень теоретической подготовки исполнителей, зачастую достаточно субъективно трактовавших те или иные постановления, права и обязанности. Юридически установленные функциональные границы двух подразделений МВД в повседневной деятельности оказывались более чем размытыми. С одной стороны, выполнение жандармами полицейских обязанностей, а с другой, деятельность общей полиции на поприще политических преступлений, на наш взгляд, не являлось эффективным решением, т.к. ни те, ни другие, не имели возможности сосредоточиться исключительно на своих прямых обязанностях. Попытка решить проблему малочисленности полиции путем делегирования полномочий не оправдывала себя. Многое зависело и от межличностных от-

ношений руководителей полицейских подразделений, от понимания ими общности конечных целей их деятельности. Кроме того, несогласие и соперничество представителей двух ведомств, становившееся благодаря прессе иногда и достоянием обывателей, в конечном итоге отрицательно влияло на авторитет блюстителей правопорядка в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса Жандармов, 1903. 650 с.
2. Библиотека ГАТ. Приказ по Сибирскому жандармскому округу. № 59. 1898. 63 с.
3. Положение о корпусе жандармов 1867 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 42. № 44956.
4. ГАТ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 11, 13, 18, 25,40, 45, 77, 99, 157; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 248. Л. 42 об.; Д. 177. Л. 4-5.
5. Руководство для чинов Корпуса Жандармов при производстве следствий и дознаний / сост. полк. Попов. СПб., Типография Месника и Римана, 1885. 227 с.
6. ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 190. Л. 51; Д. 135. Л. 5, 12-25.
7. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 53. Л. 5 об.
8. ИсАОО. Ф. 272. Оп. 2. Д. 109. Л. 11 об.
9. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 53. Л. 36-39; ГАТО. Ф. 239. Д. 177. Л. 170-171 об.
10. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 53. Л. 11-12 об. 31-32, 42; Там же. Д. 95. Л. 3.
11. Там же. Д. 95. Л. 28-36.
12. Там же. Д. 181. Л. 3-4 об., 9-11 об.
13. Там же. Д. 95. Л. 11-17.
14. ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 58. Л. 18-20 об.
15. Там же. Д. 116. Л. 133-134.
16. Там же. Д. 117. Л. 708-709.
17. Там же. Д. 78. Л. 33.
18. Там же. Д. 189. Л. 51-52 об.
19. Там же. Д. 54. Л. 33.
20. Там же. Д. 189. Л. 51-52 об.